

К ВОПРОСУ О РОЛИ ВАЛЕНТНОСТИ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

В. СТАШАЙТЕНЕ

При анализе соответствующей лексико-семантической группы или лексического „поля“ немаловажную роль играет словообразование.

Под термином „словообразование“ здесь мы имеем в виду систему словообразовательных (структурных) форм слова, а также процесс образования новых слов в языке¹.

Проблема словообразования является предметом изучения многих языковедов, однако место его в системе языкознания определяется неодинаково. Одни ученые относят словообразование к области грамматики. Так, например, А. А. Шахматов вопросы словоизменения рассматривал в органической связи с явлениями словообразования. А. А. Потебня словообразование включал в словоизменение, поскольку каждую отдельную форму слова он считал новым словом. Другие же ученые (М. Докулил и др.) словообразование относят к лексикологии.

По справедливому определению Ю. С. Сорокина², „словообразование — область, лежащая на границах грамматики и лексикологии“, хотя, как утверждает К. А. Левковская, „словообразование связано с лексикой более прочными связями, чем с грамматикой“³.

Присоединяясь к последним утверждениям, считаем, что словообразование относится к тем языковым проблемам, без конкретного решения которых исследование лексикологических проблем не может быть всесторонним и полноценным.

Кроме того, нам представляется, что словообразовательное значение тесно связано с принципами валентности.

Иногда исследователи, не применяя термина „валентность“, используют в своих работах некоторые установки данной теории. Так, например Е. А. Земская, характеризуя литературный язык XIX века, утверждает: „Центральным процессом, пронизывающим словопроизводство всех частей речи, был процесс устранения словообразовательной дублетности и специализации словообразовательных средств на выражении одного или нескольких

¹ См. К. А. Тимофеев, „Заметки о словообразовании“, Вопросы грамматики, М.—Л., 1960, АН СССР, стр. 425.

² Ю. С. Сорокин, Развитие словарного состава русского литературного языка (30—90-е годы XIX века), Изд. „Наука“, М.—Л., 1965, стр. 181.

³ К. А. Левковская, Словообразование, М., 1954, стр. 17.

внутренне объединенных значений"⁴. Утверждение это почти совпадает с теорией „ниш“, выдвинутой Л. Вейсгербером, которая, в свою очередь, имеет прямое отношение к теории валентности.

Теория валентности является, сравнительно, новым подходом к изучению лексики. В лингвистической литературе выделяются два основных вида валентности: „внутренняя“ и „внешняя“⁵.

К **внешней** валентности, как известно, относится „синсемансия“ слова, сочетаемость лексического характера и т.п. В области словообразования внешняя валентность играет второстепенную роль, и поэтому в данной статье вопрос этот оставим в стороне.

Внутренняя валентность — это „закономерность сочетаемости отдельных лексических и грамматических морфем друг с другом, морфем с лексическими основами слов, лексических основ в составе одной сложной основы“⁶.

Попытаемся рассмотреть некоторые аспекты внутренней валентности в словообразовании абстрактной лексики определенной исторической эпохи⁷.

Проблема внутренней валентности охватывает самые разнообразные отношения между элементами слова. Некоторые исследователи к внутренней валентности относят даже понятийные связи, заложенные в самих словах. Так, например, В. Порциг⁸ считает, что слово „хватать“ следует связывать со словом „рука“, слово „видеть“ со словом „глаз“ и т. п. Нам представляется, что подобные связи слов выражают не столько внутреннюю валентность, сколько ассоциативную связь между словами, ассоциативную валентность. Так, слово „видеть“ лишь ассоциирует понятие, связанное со зрением, глазом, но это лишь понятийная связь, с лексической же точки зрения слово вполне самостоятельно, а валентность здесь выражается больше грамматически (оно требует субъекта, т.е. существительного или местоимения), чем лексически.

Более закономерной внутренней валентностью следует считать словообразовательные связи.

Префиксация. Аффиксальное словопроизводство или, по терминологии чешского лингвиста Докулила⁹, деривация в узком смысле слова, относится к тем способам образования слов, которые больше, чем другие способы образования, например, словосложение, субстантивация, адвербиализация (или деривация в широком смысле слова), связаны с семантической валентностью. Во многих случаях префиксация не отличается семантической изолированностью. Так, например, в слове „сланье“ ярче акцентируется действие, про-

⁴ См. Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху — Материалы всесоюзной конференции, Алма-Ата, 1962, стр. 125.

⁵ См. М. Д. Степанова, Словообразование, ориентированное на содержание, и некоторые вопросы анализа лексики, „Вопросы языкознания“, 1966, № 6, стр. 52—53.

⁶ М. Д. Степанова, Словообразование..., стр. 53.

⁷ Объектом нашего исследования является абстрактная лексика старобелорусского языка 15—17 вв.

⁸ W. Porzig, Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen. „Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur“, 1934.

⁹ M. Dokulil, Theorie odvozovani slov, Praha, 1962.

цесс, чем объект, зависящий от этого действия. Между тем в слове „сосланье“ семантический центр тяжести лежит на объекте, т. е. „сосланье кого“. Или, например, в словах „куповане“ и „скуповане“ также отмечается неодинаковая степень валентности. Если в первом случае указание объекта не является непременным условием, то во втором случае это условие превращается в необходимость (скуповане — чего). Аналогичные валентные связи в словах, как: писанье — описание; кошенье — скошенье; держанье — задержанье; несенье — внесенье и т. п. Разумеется, указанные примеры не составляют абсолютного правила. Они лишь указывают на многообразие семантической вариантности в области префиксации старобелорусского языка, а также на роль префикса в словообразовании с точки зрения семантического аспекта.

В вышеуказанных случаях обнаруживается лексическая валентность, т. е. префикс вызывает появление слова с новым значением.

Внутренняя семантика отдельных префиксов зачастую переплетается с грамматической валентностью: префиксы обуславливают определенное значение слова, выражаемое определенной грамматической категорией. Так, напр., приставка „з-“ выражает: а) завершенность действия (згашенье, збуренье); б) присоединение, совокупность чего-, кого-либо (злученье, згромаженье); в) удаление кого-либо откуда-нибудь (зъеханье: „по зъеханью з службы наше земьское военное“, Лит. Статут 1588 г., 317 стр.). Во всех указанных случаях префикс „з-“ предопределяет образование отглагольного существительного от глагольной формы совершенного вида.

Приставка же „пере-“ придает следующие значения: а) перемещение через что-либо (перенесенье, переездъ); б) действие, производимое заново (пероранье, переписованье). В первом случае выступает альтернативная валентность, т. е. данная приставка требует только совершенного вида глагольной формы; употребление несовершенного вида в таких случаях не встречается, вроде слов „переносение, переехание“ и т. п. Во втором случае валентность не грамматическая, а только семантическая, т. е. возможны оба вида глагольной формы — как совершенного (переписанье), так и несовершенного (переписованье), однако в обоих случаях выражается значение повторяемого действия.

Префиксально-суффиксальным способом гораздо ярче выражается валентная связь с морфологической закономерностью. Так, например, комбинация префикса „вы-“ с суффиксами „-ыва-“, „-ова-“ обуславливает альтернативную валентность, иначе говоря, в результате образования слова подобным способом выступает в отглагольном существительном единственно возможная глагольная категория несовершенного вида, а в семантическом отношении — только лишь значения многократности или длительности (напр., вызыванье, вывольтыванье и т. п.). Между тем одна приставка, без суффикса, часто не оказывает влияния на видовые формы в слове. Так, например, в словах типа „выбране, выбиране“ приставка играет не морфологическую, а лишь семантическую роль.

С другой стороны, в вышеуказанных случаях суффиксы „-ыва-“, „-ова-“ проявляют неравномерную валентность по отношению к префиксу. Для старобелорусского языка характерны беспрефиксальные образования только

при помощи суффикса „-ова-“ (квалтованье, бракованье, менованье, шахованье, панованье, гамованье и т. п.), между тем отглагольные абстрактные существительные с суффиксом „-ыва-“ и без приставки нами не обнаружены в старобелорусских памятниках. Напрашивается вывод, что здесь проявляется определенная закономерность валентности.

Итак, в исследуемой лексике отмечаются два основных явления в области приставочно-суффиксального типа словообразования. С одной стороны, полное отсутствие семантической взаимозависимости между приставкой и суффиксом в одной и той же лексеме, с другой стороны — явное взаимодействие указанных аффиксов. Так, если в словах типа „бранье, мордованье, сланье, хованье, данье, еханье“ и т. п. суффикс „-нье-“ выступает в слове со значением действия, то присоединение к слову любой приставки не меняет основного значения (действия). Примеры: забранье, схованье, наданье и пр. Приставка играет здесь лишь роль видového значения, которое остается в силе и при любой другой приставке, напр.: битье — забитье, бранье — забранье, выбранье — обранье.

В словах же типа „доживотье, безлюдье, безправье, насилье, безгрешство, уписованье“ и т. п. усматривается явная взаимозависимость или взаимодействие аффиксов. Так, ни в одном тексте изучаемой письменности не обнаруживаются слова подобного типа только с одним из указанных аффиксов. Немыслимы слова вроде „доживоть, безлюдь, безправь, насиль, безгрешь, уписовань“ и т. п. Также абсурдными оказались бы словоформы такого рода, как „животье, людье, правье, силье, грешство, писованье“ и пр.

Следовательно, в приставочно-суффиксальных образованиях отмечается действие закона как альтернативной, так и факультативной валентности. Иначе говоря, в одних случаях в одном и том же слове наличие обоих аффиксов является обязательным условием, в других же случаях такое условие лишь факультативно.

Особенно четко проявляется обязательная валентность в приставочно-суффиксальных образованиях исследуемой лексики с отрицательным префиксом „без-“. Иными словами, обязательное наличие словообразовательных аффиксов в одной и той же лексеме проявляется согласно следующей формуле: отрицательная приставка „без-“ плюс суффикс „-ь(е), -ть(е)“ (иногда „-ств(о)“), например: безчестье, безлюдье, безгрешство и пр.

Отрицательная же приставка „не-“ совершенно не поддается закону валентности в подобных случаях. Ср. данье — неданье, бытность — небытность, принятие — непринятие и т. п. Никакого взаимодействия тут между аффиксами не отмечается.

Суффиксальный способ образования кроет в себе главным образом семантическую валентность, которая связана в то же время с грамматической валентностью. Например, посредством старобелорусского суффикса „-б-а“ образуются существительные женского рода, обозначающие процесс действия (личба от „личити“, згуба — от „згубити“, жалоба — от „жаловати“, оздоба — от „оздобити“ и пр.). Посредством суффикса „-еж“ образуются абстрактные существительные со значением действия, проявляющегося в энергичном темпе (грабежь — от „грабити“, крадежь — от „красти“ и пр.).

Многие суффиксы отличаются многозначностью. Так, суффикс „-ин-а“ в одних случаях выражает признак, отвлеченный от предмета, т. е. образования, восходящие к прилагательным, напр.: *должина* (долгий), *новина* (новый) и пр. В иных же случаях суффикс этот обозначает обобщенное название какой-либо местности, земельного участка, причем такие образования восходят к существительным, напр.: *краина* (край), *данина* (дань), *година* (годъ) и пр. В данном случае проявляется не только семантическая, но и грамматическая валентность — определенная грамматическая категория обуславливает определенное значение слова.

Высокой продуктивностью в старобелорусском языке отличаются суффиксы „-ость“ и „-ств(о)“ с их разновидностями (-ность, -ен(ь)ств(о), -овств(о), -тельств(о)).

В исследуемых памятниках чаще всего встречаются абстрактные существительные с суффиксом „-ость“ („-ность“), образованные от основ имен прилагательных, напр.: *крепость* — от „крепкий“, *хтивость* — от „хтивный“, *певность* — от „певный“, *зацность* — от „зацный“, *вшетечность* — от „вшетечный“ и пр. Тут проявляется, однако, лишь факультативная грамматическая валентность, поскольку подобные существительные восходят к разным частям речи, напр.: *повинность* — от „вина“, *можность* — от „можно“, *бытность* — от „быти“ и пр.

Наибольшей продуктивностью на всем протяжении истории белорусского языка отличается словообразовательный тип существительных на „-ств(о)“, восходящих к именам прилагательным. В основном это абстрактные существительные среднего рода, обозначающие свойство, состояние, напр.: *лакомство* — от „лакомый“, *глупство* — от „глупый“, *достоенство* — от „достойный“ и т. п. Гораздо меньшая грамматическая валентность проявляется в образованиях с данным суффиксом, восходящих к существительным. Такие образования выступают со следующими значениями: акт действия, напр.: *мордерство* — от „мордеръ“, *злодейство* — от „злодей“ и пр.; деятельность, ремесло, напр.: *мысливство* — от „мысливецъ“ и пр.; положение, состояние, напр.: *дыггнитарство* — от „дыггнитаръ“, *посольство* — от „посоль“, *мужество* — от „мужъ“ и пр. Большая часть словообразований подобного типа относится к существительным собирательного значения, напр.: *купецство* — от „купецъ“; *панство* — от „панъ“ и пр.

Аналогичная семантическая и грамматическая валентность обнаруживается и в разновидностях данного суффикса, напр.: *бурмистровство* — от „бурмистръ“, *окрутенство* — от „окрутный“, *послушенство* — от „послушный“ и пр.

Словосложение. Механизм путей образования сложных существительных с отвлеченным значением, встречающихся в изучаемых памятниках, является многогранным.

В лингвистической литературе вопрос о соотношении сложных слов с аффиксальными, точнее с приставочными, словами, трактуется по-разному.

Одни ученые (Обнорский¹⁰) отождествляют сложные слова с аффиксальными, например: побережье (по берегу), подоконник (под окном) и т.п. Другие же (Соломоновский¹¹) возражают против смешения приставочных слов со сложными. Присоединяемся к определению сложных слов, сформулированному Л. В. Вялкиной, а именно: „Сложным словом мы считаем минимальную лексическую единицу, состоящую из двух или более знаменательных элементов (корневых морфем), обладающую единством грамматического оформления и входящую в состав одной из частей речи“¹².

Компоненты *composita* переплетаются по своему значению и руководящей роли в слове по-разному: в одних случаях суффицированной морфемой идет первый компонент, в других случаях — второй. Здесь мы придерживаемся точки зрения Н. Д. Андреева, изложенной им в своей статье „Термины типа „лесоводство, лесоведение““¹³, согласно которой в все повторяющиеся вторые элементы сложных существительных, напр., морфемы типа вед- „лесоведение“, вод- „лесоводство“, -пад „листопад“ — считаются „суффицированными словоэлементами“.

В нашем материале к таким „суффицированным словоэлементам“ можно отнести следующие компоненты: пол- (полу-) (полрока, полугодье), благо- (благословение, благочестие, благовещение), бого- (богобойность, богоявление, богомысльность), зло- (злословие, злочинство) и пр. Позиция этих словоэлементов неодинакова: одни из них занимают постоянную позицию первого компонента, другие — позицию второго компонента, третьи же не отличаются позиционным постоянством.

Законы валентности в сложных словах действуют главным образом в синтаксико-семантических отношениях.

С точки зрения синтаксико-семантических связей сложные слова обычно делятся на сочинительные и подчинительные. Подчинительные сложные слова, в свою очередь, делятся на определительные и объектные.

Сложные существительные сочинительного типа встречаются в исследуемой лексике весьма редко.

Больше встречаются определительно-подчинительные сложные слова, которые образуются по следующей модели: прилагательное плюс существительное, например: чужоложество, благочестие и т.п.

Объектно-подчинительные сложные существительные обычно состоят из двух существительных, напр.: братолюбие, мужобойство и пр.

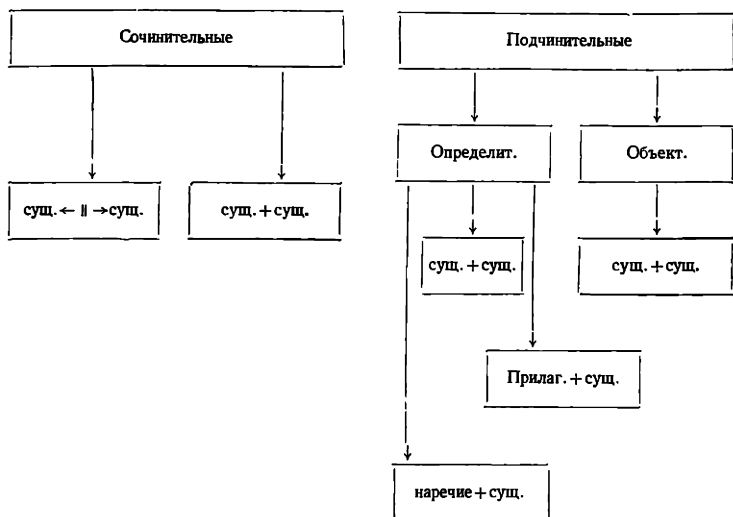
¹⁰ С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.—Л., 1946, стр. 121.

¹¹ И. И. Соломоновский, Терминология в словообразовании, ФЗ, 1880, вып. 3, стр. 13.

¹² Л. В. Вялкина, Сложные слова в древнерусском языке и их отношения к языку греческого оригинала. Сб. ст. „Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка“, АН СССР Ин-тут русск. яз., М., 1964, стр. 95.

¹³ См. Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, VI, 1954, стр. 29—30.

Схематически модели сложных слов исследуемой лексики в синтаксико-семантическом отношении можно изобразить следующим образом:

Анализ аффиксальных способов словообразования, а также словосложения в области абстрактных существительных, встречающихся в старобелорусских памятниках, показывает, в какой степени была развита уже в тот период языка (15–17 вв.) система закономерностей внутренней валентности. Выявление этих закономерностей необходимо не только для констатации системности языка в данный период, но также и для диахронического изучения исследуемого языка, для прослеживания определенных языковых сдвигов.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko universitetas
Rusų kalbos katedra

Įteikta
1968 m. rugsėjo mėn

APIE VALENTIŠKUMO VAIDMENĮ ŽODŽIŲ DARYBOJE

V. STAŠAITIENĖ

Reziumė

Straipsnyje nagrinėjamas valentiškumo vaidmuo žodžių daryboje. Pagrindinis autoriaus dėmesys skiriamas vidinei valentiškumo pusei, kadangi išorinis valentiškumas žodžių daryboje teturi antraeilę reikšmę.

Tvirtinama, kad ne visi žodžių darybos būdai vienodai pasižymi semantiniu valentiškumu. Daugiausia šiuo atžvilgiu išsiskiria priešdėlinis žodžių darybos būdas.

Straipsnyje keliamieji teiginiai grindžiami pavyzdžiais, paimtais iš senųjų baltarusių raštų.